

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510

EDN SGKDLT

Оригинальное исследование

От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений

Бурганова И.Н.

Оренбургский государственный педагогический университет,

Россия, 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19

E-mail: burganovain@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется фундаментальная трансформация логики функционирования современной системы международных отношений, заключающаяся в переходе от классической парадигмы баланса сил к новой конфигурации баланса интересов. Автор приходит к выводу, что доминирующая цель государств смещается от предотвращения гегемонии любого государственного актора к сложному процессу согласования зачастую несовпадающих национальных интересов, включающем как государства, так и международные институты. Для верификации данного тезиса применяется метод историко-структурного анализа, позволяющий проследить эволюцию системы баланса сил от ее институционализации до кризисных моментов. На основе компаративистского изучения Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем выявляются ограничения парадигмы баланса сил и переход к балансу интересов. В качестве ключевых триггеров наблюдаемого сдвига были определены следующие факторы: усложнение структуры международной системы (переход к полицентричности); процессы глобализации и наличие глобальных проблем; громадные потери от ведения прямых военных действий; возросшая взаимозависимость акторов на международной арене. Делается вывод, что современная полицентричная система международных отношений основана на многосторонней дипломатии и институциональном взаимодействии в связи с нарастающим количеством глобальных проблем, начиная от изменения климата, пандемий до рисков киберпреступности. Поэтому многие вопросы международной повестки дня нельзя решать только с помощью военной силы. Необходима кооперация государственных акторов в решении ключевых проблем. Автором предложены сценарии развития системы международных отношений в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Ключевые слова: международные отношения, баланс сил, баланс интересов, многополярность, полицентричность, Вестфальская система, Венский конгресс, глобальное управление, национальный интерес

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бурганова И.Н. 2026. От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 497–510. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510. EDN: SGKDLT

From a Balance of Power to a Balance of Interests: The Evolution of the International Relations System

Inna N. Burganova

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 46000, Russia
E-mail: burganovain@yandex.ru

Abstract. The article explores the fundamental transformation in modern international relations system functioning logic, which consists in the transition from the classical paradigm of the balance of power to a new configuration of the balance of interests. The author suggests that the dominant goal of states shifts from preventing the hegemony of any state actor to a complex process of coordinating often conflicting national interests, which includes both states and international institutions. To verify this thesis, the method of historical and structural analysis is used, which allows to trace the evolution of the balance of power system from its institutionalization to crisis moments. Based on a comparative study of the Westphalian, Vienna, Versailles-Washington, and Yalta-Potsdam systems, the study reveals limitations of the balance of power paradigm and the transition to a balance of interests. The following factors have been identified as key triggers for the observed shift: the complexity of the international system (the transition to polycentrism); globalization processes and the presence of global challenges; the enormous losses incurred from direct military action; and the increased interdependence of actors in the international arena. The article concludes that the current polycentric system of international relations is based on multilateral diplomacy and institutional cooperation to address the growing number of global challenges, from climate change and pandemics to the risks of cybercrime. Therefore, many issues on the international agenda cannot be resolved solely through military force. Cooperation between state actors is necessary to address key challenges. The author proposes scenarios for the development of the international relations system in the short, medium, and long term.

Keywords: international relations, balance of power, balance of interests, multipolarity, polycentrism, the Westphalian system, the Congress of Vienna, global governance, national interest

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Burganova I.N. 2026. From a Balance of Power to a Balance of Interests: The Evolution of the International Relations System. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 497–510 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510. EDN: SGKDLT

Введение

Современная архитектура международных отношений претерпевает значительные изменения. Традиционная парадигма на протяжении столетий, связанная с понятием «баланс сил», заключалась в недопущении доминирования любого другого актора для поддержания системной стабильности [Waltz, 1979], что демонстрирует определенные ограничения данной конструкции. В первую очередь это касается комплексной оценки международных отношений. Если раньше главным приоритетом для стран выступала идея недопущения верховенства какого-либо государственного участника, то в дальнейшем можно заметить иные мотивы, предполагающие паритет разнородных интересов, выражаемых не только позициями суверенных государств, но и наднациональных организаций, транснациональных корпораций и пр. [Nye & Keohane, 1971; Keohane, 1984]. Эта трансформация предполагает пересмотр базовых принципов, на которых зиждется международный порядок.

Целью данного исследования является анализ причин и характера эволюции перехода от системы баланса сил к системе баланса интересов. Для ее достижения ставятся следующие задачи:

1. Провести ретроспективный анализ генезиса системы международных отношений в рамках конструкции «баланс сил».
2. Выявить комплекс причин и факторов, которые обусловили сдвиг системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов.
3. Предложить возможные сценарии развития международных отношений, исходя из конструкций «баланс сил» и «баланс интересов».

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступила эволюция системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов. Теоретической базой исследования выступили различные подходы. Работа опирается на традиции классического политического реализма (Г. Моргантау, К. Уолц), акцентирующего роль анархии, национального интереса и распределения мощи [Morgenthau, 1948; Waltz, 1979] между государственными акторами, а также на неореалистский анализ международных систем. В то же время для объяснения современной динамики привлекались элементы теории комплексной взаимозависимости (Р. Кохейн, Дж. Най, 1977) и конструктивистские подходы, учитывающие роль нормативных институтов и нематериальных факторов [Wendt, 1992]. Методологически исследование строится на историко-структурном анализе, который позволил выявить долгосрочные тенденции международных отношений, а также на компаративистском методе, который применялся при сопоставлении систем международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Современная система международных отношений за последние годы переживает серьезную трансформацию. В первую очередь это касается ее конфигурации. Если раньше главными максимами для государства в мировой политике было не допустить доминирования других государственных участников и таким образом обеспечить международный порядок, то в настоящий момент страны сосредотачивают свои усилия на паритете не только собственных, но и иных интересов в лице государственных акторов и международных организаций. Такая трансформация предполагает исследование каузальных моментов, почему так произошло. В работе автор предпринимает попытку проанализировать смену парадигм во внешнеполитическом курсе государственных акторов в зависимости от господствующих принципов международной политики. Привычное восприятие международных отношений строится на понятии «баланс сил», когда нарушение равновесного состояния между странами выступает четким сигналом асимметрии безопасности современного мира.

Темпоральная оценка такой системы затрагивает стартовые точки ее начала. Рождение системы баланса сил логично рассматривать с 1648 г., а именно с Вестфальского мирного договора, поскольку появились юридически равные суверенные государства, именно это заложило «игровое поле» для баланса сил. Государства действовали в соответствии со своими национальными интересами и руководствовались идеей суверенного статуса на международной арене, при этом активность страны в мировой политике была связана с категорией «сила» на уровне территориальных границ и людских ресурсов [Будаева, 2014].

В то же время механизмом баланса сил явились коалиции, которые должны были не допустить гегемонии какой-либо державы на международной арене (Утрехтский договор 1713 г.). Узловым моментом этого события явились комплиментарные соглашения между Францией и Великобританией, Францией и Нидерландами, Францией и Савойей, Францией и Португалией [Хайруллин, 2015]. В результате подписанных договоров в Европе и в мире складывается такое соотношение сил, которое акцентировало внимание на сдерживании Франции и недопущении гегемонии Парижа [Фархутдинов, 2019].

Однако позднее в рамках Венской системы международных отношений конструкция баланса сил претерпела определенные изменения. В ней на первое место выходит не просто равновесие, а регулируемое равновесие [Хайруллин, 2015]. Оно подразумевало сохранение хрупкого мира за счет создания коалиций и возможностей стран вмешиваться в дела друг друга. Действие баланса сил на Венском конгрессе было связано с «европейским концертом» (Concert of Europe) [Якубовская, 2003].

Сравнительная оценка Венской системы и последующей Версальской дает возможность говорить о сильных сторонах первой, поскольку Франция не была уязвлена [Таньшина, 2017]. На Аахенском конгрессе в 1818 г. было решено, что Франция возвращается в коалицию четырех ведущих государств наряду с Россией, Великобританией и Пруссией, что обеспечило нивелирование жестких кровопролитных конфликтов в дальнейшем. Что касается негативных сторон такого баланса сил (в рамках Венской системы), то они были выражены краткосрочным характером состояния стабильности на международной арене. Короткий период мира мог нарушаться за счет либо усиления, либо ослабления одних государств над другими. Поэтому происходила перманентная смена конфигурации государств на международной арене за счет образования новых союзов.

К началу XX в. произошло обострение противоречий за счет колониального раздела мира между сильнейшими странами. Система баланса сил в рамках Версаля как никогда была завязана на национальных интересах ключевых государственных акторов. Париж, Лондон и Вашингтон стремились к реализации своих внешнеполитических доктрин практически без учета коммунитарных интересов. К тому же Версаль подразумевал создание институционализированной структуры в виде Лиги Наций. С одной стороны, появление международной организации, позиционирующей отказ от применения военной силы в межгосударственной коммуникации, демонстрирует «пацифистский знак» в риторике политических лидеров и элит. С другой – отсутствие ригидных инструментов по отношению к государственным акторам по недопущению захвата территорий, проявлению агрессии к другим игрокам международного сообщества демонстрирует неэффективность деятельности Версаля. Проблема безопасности уходит в небытие на фоне политики умиротворения европейских стран со стороны Парижа и Лондона по отношению к насильственным действиям Берлина (аншлюс Австрии, раздел Судетов).

В дальнейшем Версальская система привела к реваншизму униженной Германии и началу II Мировой войны.

Окончание II Мировой войны способствовало изменению системы международных отношений к качественно другому состоянию. Вместо Лиги Наций* (*хотя официально организация завершила свое существование в 1946 г.) в мире появилась Организация Объединенных Наций (ООН). Баланс сил стал более жестким за счет блокового формата между НАТО (США) и ОВД (СССР). Балансирование проходило по линии гонки вооружений, при этом Москва и Вашингтон стремились к ядерному сдерживанию друг друга.

Зона ответственности за стабильность и устойчивость мира лежала на НАТО и ОВД в лице США и СССР. При этом непримиримость капиталистической и социалистической системам ограничивала рамки международной системы в виде идеологических парадигм. В то же время жесткие прямые вооруженные конфликты оказывались вне поля непосредственной коммуникации ведущих стран мира на фоне появления у них ядерного оружия.

После распада СССР мир становится однополярным, что в корне нивелирует идею равновесия [Лукиянов, 2020]. В итоге в системе международных отношений нарастало количество локальных конфликтов, особенно по периметру постсоветского пространства. Еще одним изменением становится тенденция полицентричности, когда на международной арене возникают мощные центры влияния (США, Китай, ЕС, БРИКС и пр.).

С 2000-х годов современная система международных отношений расставляет новые акценты и происходит переход от баланса сил к балансу интересов:

1. Международные отношения приобретают характер многополярности. Наличие такого плюрализма разнообразных участников (государственные акторы, международные форматы, транснациональные корпорации и проч.) способствует большей хаотизации и отсутствию порядка в системе равновесия [Кузьмина, 2021].

2. Параллельность процессов глобализации/деглобализации ведет к разнонаправленным тенденциям во внешнеполитической деятельности государственных акторов. С одной стороны, наличие глобальных проблем толкает страны на коммунитарные меры для их нивелирования. С другой – происходит ломка политических, экономических и культурных границ в межгосударственной коммуникации, что приводит к проблеме снижения собственного суверенитета государственных акторов.

В связи с нарастанием процессов глобализации и глобальных проблем систему международных отношений стал характеризовать баланс интересов. Баланс интересов позволил странам решать большое количество вопросов.

В настоящий момент баланс интересов испытывает серьезные проблемы, начиная от растущего соперничества сильных игроков международного сообщества (США и Китай), роста локальных конфликтов до применения санкционных мер, торговых войн или выхода государств из международных соглашений (США вышли из Парижского климатического соглашения) [Пекарникова, 2023], поэтому современные реалии проходят по линии поиска равновесия между балансом сил и балансом интересов.

Причины перехода системы баланса сил к балансу интересов

Поскольку нас интересует сдвиг конструкции от баланса сил к балансу интересов в системе международных отношений, то важно обозначить каузальные моменты такого перехода. Важно сделать оговорку, что данный переход не является завершенным процессом, он отражает существующую тенденцию. Такая трансформация скорее позволяет сделать вывод об усложнении самой системы международных отношений, при этом баланс сил перестал быть ее ключевым регулятором.

Во-первых, наличие глобальных проблем становится важным фактором, способствующим переходу от баланса сил к балансу интересов. Баланс сил стремится к силовому превосходству, а глобальные проблемы не решаемы с помощью военных инструментов. Пандемии, нелегальная миграция, изменения климата, кибербезопасность и другие вопросы мировой политики нивелируются сегодня на уровне переговоров, сотрудничества, саммитов и прочих коллективных форм, которые позволяют найти общие точки соприкосновения. Также баланс сил «работает» против конкретного противника (отдельных стран), а глобальные проблемы не заточены на конкретные страны. Их безотносительность заставляет страны объединяться для их решения. Логика противовеса в свете баланса сил перестает функционировать, поскольку нельзя бороться с глобальными вызовами в одиночку. Только общая воля участников международных отношений может обеспечить их безопасность. Интерес за выживание в этих обстоятельствах заставляет их договариваться и решать сложнейшие глобальные вопросы. Перед лицом таких вызовов геополитические противоречия стран смещаются в сторону сотрудничества и кооперации. В качестве примера можно вспомнить действия государственных акторов во время пандемии коронавируса, когда они, несмотря на политику «вакцинного национализма», старались сотрудничать друг с другом через ВОЗ [Sanjmyatav, 2020], то есть интерес к коллективной безопасности стран оказался выше их национальных интересов.

Во-вторых, осознание государствами колоссальных потерь после Первой и Второй мировых войн. Сдерживание других игроков с помощью военных действий приводит к большим жертвам, огромным расходам и становится сильнейшим тормозом для развития

государств. Поэтому конфликтный потенциал государственных акторов начинает проходить по линии отказа от военно-политического противостояния, смещаясь в сторону экономической конкуренции. На международной арене можно увидеть рост значимости «мягкой силы, которая ориентирована на атмосферу убеждения и привлечения других стран. Здесь результаты межгосударственных отношений определяются мотивами симпатии и уважения на уровне добровольного принятия других стандартов в образовании или культуре [Салин, 2019]. С помощью «мягкой силы» страны легитимизируют свои интересы, например, привлекая других участников на свою сторону с помощью обучения в своих университетах или распространения культурных норм. Также «мягкая сила» дает возможность выстраивать игрокам международного сообщества конструктивный диалог, поскольку интересы страны становятся интересны другим игрокам международного сообщества. Интерес к культуре, экономическому благополучию начинает перевешивать идею силового доминирования. Кейсами, демонстрирующими «мягкую силу» на международной арене, являются действия КНР [Панцеров, 2017]. Проект «Один пояс – один путь» позволил Китаю активно развивать инфраструктурные проекты (строить транспортные коридоры, порты, железные дороги) [Бурганова, 2022], активно развивать свои образовательные проекты (Confucius Institute), работать над культурными обменами или создавать цифровые инициативы (5G от Huawei). Грамотная политика КНР не «заставляет» страны выбирать Пекин, а скорее предлагает развивать собственные страны с помощью китайских инвестиций, технологий и продукции [Hu, 2024].

В-третьих, фактором перехода от баланса сил к балансу интересов становится усложнение структуры международной системы. Происходит удивительный феномен, когда государственные акторы одновременно могут быть активными участниками различных форматов. То есть страна может быть партнером США по военному сотрудничеству в одном регионе (например, Индия в QUAD против КНР) и в то же время может покупать у РФ оружие, тем самым нарушая санкционную политику Белого Дома, а также осуществлять сотрудничество с Пекином в рамках БРИКС [Bardi, 2022]. Итогом такой ситуации становится полная бессмысленность в выстраивании какого-либо постоянного союза или коалиции против отдельных участников международного сообщества. Также множественность акторов подразумевает появление не только государственных игроков (международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные организации, террористические организации и пр.). Их деятельность идет вразрез интересам государственных участников. Международные форматы формируют нормативные правила (ООН, ВОЗ, ВМФ и др.), которым вынуждены подчиняться государства. ТНК (транснациональные корпорации) лоббируют свои интересы на рынке, что может нивелировать государственный суверенитет. НПО (неправительственные организации) скорее ориентируются на общественное мнение, а государства руководствуются узкими национальными интересами. Террористические организации заточены на совершение терактов, распространение деструктивных идей, что противоречит интересам государства в области безопасности. Поэтому конструкция баланс интересов позволяет балансировать акторам не только в выражении своих интересов, но и на уровне коммуникации с остальными игроками международного сообщества.

В-четвертых, фактором перехода конструкции от баланса сил к балансу интересов становится возросшая взаимозависимость игроков. Феномен взаимозависимости наиболее очевиден в применении санкций. Если раньше ограничительные меры больше относились к полю деятельности баланса сил, что в настоящий момент санкции смело можно рассматривать как вспомогательный инструмент баланса интересов. Например, применение санкционного механизма в отношении РФ было направлено на нанесение ущерба ее экономике, но в то же время можно увидеть, что западные страны вынуждены были вводить исключения (поставки продовольствия, ядерные материалы, лекарства),

чтобы не допустить большого урона своей экономической системе. При этом Российская Федерация, вводя контрмеры, также использует исключения, чтобы не навредить себе. Логика феномена взаимозависимости заметна как в двухсторонних, так и многосторонних отношениях акторов на международной арене. США зависят от сборки электроники в КНР. В свою очередь, Пекин заинтересован в американском оборудовании для производства чипов (ASML, Applied Materials). Такая взаимозависимость стран предполагает применение не тотальных мер (блокада) против друг друга, а точечных инструментов (например, санкции против Huawei). Также взаимозависимость работает по принципу «вызов – реакция». Например, США, обладая глобальным превосходством в финансовой сфере (американский доллар), тем не менее вынуждены ориентироваться на другие страны. То есть Белый Дом, отсекая некоторые государства от системы SWIFT, сталкивается с проблемой недоверия к доллару и стремлением других акторов к иной альтернативе. Поэтому США вынуждены учитывать реакцию остальных участников финансового рынка.

Кейсом, демонстрирующим переход от силового сдерживания (баланс сил) к балансу интересов, является так называемая сделка по иранской ядерной программе (СВДП, 2015 г.). До сделки страны использовали жесткие инструменты (баланса сил). Это заметно на санкционных действиях Вашингтона по отношению к Тегерану, дипломатической изоляции этой страны, угрозах военных ударов со стороны США и Израиля. Однако в сделке стороны показали использование инструментов баланса интересов. Интересы международного сообщества были направлены на недопущение создания ядерной бомбы Тегераном. Иран, в свою очередь, надеялся на снятие экономических санкций и на получение возможности создания мирного атома [Малмир, 2019]. В итоге Тегеран согласился на инспекции и свертывание программы в обмен на снятие санкций. Последующие события показали, что участникам сложно поддерживать баланс интересов (США вышли из сделки в 2018 г.) [Гончаренко, 2025].

Сравнительная характеристика системы международных отношений на уровне баланса сил и баланса интересов

Поскольку современная системы международных отношений отличается переплетением баланса сил и баланса интересов, то важно конкретизировать отличия первой конструкции от второй. Для удобства автор исследования дает краткую характеристику обеих парадигм и рассматривает их в табличном виде, что делает данный анализ более четким и понятным (см. таблицу).

Баланс сил завязан на идее, что ни одно государство не обладает превосходством, которое позволило бы ему довлеть над другими участниками на международной арене, что позволяет миру находиться в стабильном состоянии, при этом акторы руководствуются идеями безопасности и выживания с помощью противовесов. Такое балансирование происходит как внутри, так и за пределами государственных границ участников. Мотив внутреннего балансирования позволяет наращивать собственную мощь в разных сферах – от экономики, политики до вооружения. Внешнее балансирование сопровождается созданием союзов и блоков, причем баланс сил не характеризуется постоянством, он меняется, потому что рост мощи какого-либо государства заставляет остальных акторов реагировать и заключать новые союзы для того, чтобы снова восстановить равновесие. При этом конструкция баланса сил имеет недостатки, поскольку она не гарантирует мир. Образование новых союзов и коалиций может стать причинами начала военных действий (создание Антанты и Тройственного союза из-за нарушения баланса сил в Европе привело к Первой мировой войне) [Сенокосов, 2019]. Так же слабой стороной баланса сил явилась проблема истощения ресурсов и экономических потерь из-за не всегда целесообразного наращивания военной мощи.

Что касается конструкции баланса интересов, то она зиждется на принципиально иных началах, которые определяют международный порядок. В этой схеме интересы абсолютно каждого государственного актора имеют значение, они легитимны и признаются другими игроками в разнообразных секторах, будь то экономика, политика, безопасность или культура. Причем эти интересы могут не совпадать. Важный акцент коммуникации стран смещается в сторону поиска компромисса в условиях глобальных проблем. Стороны уходят от противоречий и конфликтов и идут на уступки, если это необходимо. Важной стороной диалога выступает стремление акторов к созданию устойчивых правил и международных институтов, которые способствуют снижению образования неопределенности в отношениях друг с другом, а также могут уменьшать количество рисков и вызовов на международной арене. Кроме того, поле баланса интересов дает участникам международных отношений больше возможностей для лавирования с помощью применения инструментов дипломатии и переговорного процесса.

Таблица
Table

Сравнительный анализ конфигурации баланса сил и баланса интересов
 Comparative analysis of the balance of power and the balance of interests

Критерий сопоставления	Баланс сил	Баланс интересов
1	2	3
Исторические вехи	Классический баланс сил с 1648–1914 гг. (военные коалиции, колониальный раздел); 1945–1991 гг., биполярный баланс сил на уровне НАТО и ОВД; с 2008 г. по настоящий момент – доминирование баланса сил в условиях полицентричности (санкции, нарастание локальных конфликтов)	1991–2008 гг. – расширение международных форматов, глобализация, создание ВТО; с 2008 г. по настоящий момент – совместный поиск решений по глобальным вопросам
Цель	Обеспечить международный порядок на международной арене; предотвратить гегемонию других участников международных отношений; стабильность системы международных отношений	Обеспечить безопасность акторам международного сообщества; предотвратить конфликты на международной арене; долгосрочная стабильность системы международных отношений
Основные инструменты и средства	Военная сила; союзы и коалиции; ограничительные меры (санкции); гонка вооружений; силовое сдерживание; дезинформация	Многосторонние соглашения; дипломатия и переговоры; посредничество; «дорожные карты»
Природа международных отношений	Анархическая	Управляемая (из-за взаимозависимости участников МО и идеи сотрудничества для решения глобальных проблем)
Главные участники международных отношений	Государства	Государства, международные организации, транснациональные корпорации и пр.
Безопасность на международной арене	Обеспечивается собственной силой государства и созданием равновесия на международной арене с помощью союзов и коалиций	Обеспечивается взаимозависимостью стран за счет получения взаимной выгоды, создания глобальных правил и институтов
Характер взаимодействия с другими участниками МО	Игра с «нулевой суммой» (выигрыш одного – проигрыш другого)	Игра с «ненулевой суммой» (выигрыш одного – выигрыш всех, проигрыш одного – проигрыш всех)

Окончание таблицы

1	2	3
Слабые стороны	Сопровождается гонкой вооружений и несет риски начала новых военных действий	Требует доверия между участниками международных отношений; бюрократизация совместных решений из-за большого количества участников МО; невозможность эффективного и сильного ответа на односторонние силовые действия отдельных участников МО
Примеры в истории и современности	а) классический баланс сил – создание коалиций против наполеоновской Франции и Германии перед Первой и Второй мировыми войнами; б) биполярный баланс сил – противостояние НАТО и ОВД в холодной войне, сопровождавшейся гонкой вооружений; в) полицентрический /многополярный баланс сил – расширение НАТО на восток для сдерживания РФ; расширение сотрудничества РФ и КНР для сдерживания Запада; появление AUKUS (США, Великобритания, Австралия) для сдерживания КНР; использование ограничительных мер (санкций)	а) Парижское климатическое соглашение 2015 г. [The Paris Agreement] – глобальная программа, охватывающая множество стран по борьбе с изменением климата; б) расширение ЕС на восток в 2004 и 2007 г. (Польша, Чехия, Венгрия и пр.). Новые члены ЕС получили гарантии безопасности, а давние акторы ЕС добились расширения рынка сбыта, дешевую рабочую силу; в) усиление борьбы стран с терроризмом после 11 сентября 2001 г., когда США легитимизировали свое право на военную операцию в Афганистане, РФ и КНР смогли провести внутренние кампании в Чечне и Сindhзяне

Возможные сценарии состояния системы международных отношений

Поскольку конфигурация системы современных международных отношений находится под воздействием как баланса сил, так и баланса интересов, то встает логичный вопрос о перспективах дальнейшего развития МО и возможных сценариев будущего.

Дальнейшие перспективы существования системы международных отношений логично выстраивать в зависимости от временных сроков:

1. Среднесрочный сценарий (на ближайшие 5–10 лет).

Конструкции баланс сил и баланс интересов параллельно существуют на международной арене. Первый (баланс сил) больше присутствует в военно-политической сфере, второй (баланс интересов) – в экономических и глобальных вопросах. Поэтому логичным выглядит ситуация, что страны будут выстраивать свой диалог с теми участниками, кто им реально стратегически близок. Четким примером здесь будут выступать уже созданные конкурирующие коалиции между собой (НАТО и AUKUS / Россия и Китай) [Ермаков, 2022]. В логику такого противостояния вписываются американские ограничения по поводу китайских компаний, при этом сотрудничество между сторонами будет присутствовать, так как государственные акторы зависят друг от друга (технологии, редкоземельные металлы и пр.). Также страны-конкуренты будут сотрудничать по линии решения конкретных глобальных проблем (климат, пандемии, кибербезопасность). Возможно, в этой логике роль универсальных организаций (ООН) будет ослабевать из-за бюрократизации и большого количества участников данных форматов. Данный сценарий достаточно опасен из-за угрозы роста локальных конфликтов.

2. Долгосрочный сценарий с оптимистичным прогнозом.

Преимущественное применение баланса интересов игроками на международной арене возможно только в том случае, если все стороны согласятся на создание более функциональных форматов по сравнению с современными. К сожалению, деятельность ООН все чаще вызывает нарекания. Создание мини-форматов по типу Организации Объединенных Наций может принести определенную пользу за счет наделения ими реальных полномочий. Также возможен вариант сужения вопросов, т. е. когда данные организации осуществляют свою деятельность только по конкретным вопросам, начиная от климата, освоения космоса или применения искусственного интеллекта и пр. Таким образом, конфликтный потенциал в одной сфере сознательно отделяется от других сфер.

Помимо этого, реализация такого сценария была бы более вероятной, если бы количество акторов, входящих в такие мини-форматы, было бы меньше. Большое количество акторов не позволяет оперативно принимать решения, в отличие от малых организационных структур. Такой сценарий имеет минусы, поскольку не всегда страны на международной арене действуют рационально и сдержанно.

3. Долгосрочный с пессимистичным сценарием.

Перспективы подавления баланса сил над балансом интересом могут возобладать, если участники международных отношений все чаще и больше будут применять открытую силовую политику в отношениях друг с другом, а также если откажутся от практики кооперации в решении глобальных проблем. К сожалению, нынешняя ситуация с нарастанием конфликтов (Украина, Тайвань, Сектор Газа и пр.) служат «плохим сигналом» и свидетельствуют о стремлении ряда участников нарушать существующий статус-кво. Силовая борьба государств усиливается на уровне космоса, киберпространства [Костина, 2022]. Такой сценарий имеет большие риски в виде прямой военной конфронтации с применением ядерного оружия.

4. Краткосрочный, более вероятностный сценарий, исходя из текущих событий.

Стратегическое противостояние США и Китая с применением конструкции баланса сил. Стороны применяют инструменты санкционного механизма в отношении друг друга, используют средства военного сдерживания в Тихом океане, а также соперничают за союзников на международной арене [Джагаев, 2022]. При этом в самой системе международных отношений действует конструкция баланса интересов. Например, коммуникация западных стран и РФ проходит в логике вынужденного баланса интересов (зерно, ядерная стабильность). Инструменты баланса интересов можно найти на уровне торгового сотрудничества между КНР и ЕС, США и Индией и пр. Рисками такого сценария является наличие дипломатических трудностей и сложного поиска компромиссов.

Заключение

На сегодняшний день система международных отношений параллельно детерминирована как балансом сил, так и балансом интересом. С одной стороны, странам приходится решать огромное количество глобальных проблем, с другой – нарастает количество локальных конфликтов.

Переплетение конструкций баланса сил и баланса интересом находится на стыке нескольких уровней. Во-первых, на глобальном уровне безусловно детерминирует логика баланса интересом. Транснациональные проблемы сложно решать силовыми способами без поиска компромиссов по их нивелированию.

Во-вторых, на уровне ключевых акторов (США, КНР) можно увидеть сохранение парадигмы баланса сил, особенно в военной и технологических сферах. Стороны применяют торговые войны, ограничительные меры, лишь бы не допустить превосходства конкурентов.

В-третьих, на региональном уровне наблюдается ассиметричное использование инструментов баланса сил и баланса интересов. В ЕС партнеры пытаются найти общие точки соприкосновения и интегрироваться в разных вопросах, что касается Ближнего Востока, то здесь чаще приходится говорить о жесткой конфронтации [Аватков, 2014].

Эволюция системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов была вполне объективной и закономерной за счет множества факторов, начиная от усложнения самой системы (расширения акторов), «дороговизны» прямых военных действий до появления глобальных проблем и возросшей взаимозависимости государственных акторов. Если классический анализ сил был заточен на идее предотвращения силовой гегемонии какого-либо актора, то баланс интересов ориентирован на постоянный поиск компромиссов, переговоров по решению совместных вопросов. Это не значит, что баланс сил не применяется на международной арене, но он перестал быть единственным регулятором отношений между странами. Поэтому современные государства применяют логику баланса интересов для агрегирования своих интересов. Он становится эффективным механизмом в продвижении своих интересов в условиях взаимозависимости и на уровне международных форматов, при этом страны извлекают необходимые выгоды и минимизируют возможные риски. Что касается сценариев будущего развития системы международных отношений, то наиболее вероятным прогнозом выступает стержневое противостояние Пекина и Вашингтона с применением конструкции баланса сил. В то же время остальные участники международных отношений существуют в логике вынужденного баланса интересов. Хочется надеяться, что акторы применят максимум дипломатических усилий, переговорной практики для сохранения стабильности всей системы международных отношений.

Список литературы

- Аватков В.А. 2024. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке. *Среднерусский вестник общественных наук*, 19(4): 14–35. doi 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35
- Будаева С.В. 2014. Баланс сил как общий принцип равновесия в современных международных отношениях. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 9(112): 73–79.
- Бурганова И.Н. 2022. Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 22(2): 226–231. doi: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231
- Гончаренко В.Ю. 2025. Разногласия США и ЕС после выхода Вашингтона из ядерной сделки по Ирану при первом президентстве Д. Трампа. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 4: 53–65.
- Джагаев О.А. 2022. Проблема Южно-Китайского моря как фронт противостояния КНР и США. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 12, 2(83): 577–582. doi 10.35775/PSI.2022.83.2.027
- Ермаков С.М. 2022. Влияние AUKUS на систему международной безопасности. *Проблемы национальной стратегии*, 1(70): 130–152. doi 10.52311/2079-3359_2022_1_130
- Костина А.Д. 2022. Противостояние США с другими государствами в космическом пространстве на примере взаимоотношений с КНР. *Вопросы политологии*, 12, 9(85): 3161–3166. doi 10.35775/PSI.2022.85.9.031
- Кузьмина О.В. 2021. Глобальная система международных отношений на рубеже 2020-х годов: тенденции и риски развития. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*, 10, 3(37): 236–242. doi 10.35775/PSI.2021.37.3.008
- Лукиянов В.Ю. 2020. Гармонизация системы международных отношений XXI века: использование исторического опыта. *Век глобализации*, 2(34): 72–84.

- Малмир Э.Н. 2019. Актуальные проблемы реализации иранской ядерной программы. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 97–101.
- Панцерев К.А. 2017. Китай – глобальный актер мировой политики: к вопросу архитектуры нового международного порядка. *Диалог: политика, право, экономика*, 2(5): 5–13.
- Пекарникова М.Е. 2023. Изменение вектора климатической политики США в 1992–2023 годах. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 10: 70–80. doi 10.31857/S2686673023100073
- Салин П.Б. 2019. «Мягкая сила» как внешнеполитический ресурс современных государств в контексте образовательной политики. *Власть*, 27(5): 169–173.
- Сенокосов А.Г. 2009. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923). *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 14: 72–81.
- Таньшина Н.П. 2017. Венская система и Венские соглашения: Взгляд из Франции. *Россия и современный мир*, 4(97): 61–76.
- Фархутдинов И.З. 2019. Доктрина о Вестфальской мирной системе: мифы и реалии. *Евразийский юридический журнал*, 6(133): 21–31.
- Хайруллин Э.Р. 2015. «Баланс сил» как концепция безопасности в теории и практике международных отношений. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, 3(7): 115–119.
- Якубовская И.В. 2003. Баланс сил в международных отношениях 1895–1898 гг.: «европейский концерт» и двусторонние соглашения. *Вестник Новгородского государственного университета*, 25: 33–40.
- Badri A. 2022. Quad and the Indo-Pacific: Examining the Balance of Interest Theory in Quad Coalition. *Strategic Analysis*, 46(6): 601–613. doi: 10.1080/09700161.2022.2149981
- Hu M. 2024. Multi-Vectorality of the PRC'S Modern Foreign Policy: Balance between Global Ambitions and Regional Interests. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 9–5(96): 117–120.
- Keohane, Robert O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 290 p.
- Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr. 1977. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown and Company, 273 p.
- Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr., eds. 1971. *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 428 p.
- Morgenthau, Hans J. 1978. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 5th ed., Revised. New York: Alfred A. Knopf, 688 p.
- Sanjmyatav B. 2020. Coronavirus Pandemic (COVID-19) and its Aftermath on Contemporary World Affairs. *Евразийство и мир*, 1: 61–73. doi 10.18101/2306-630X-2020-1-61-70
- Waltz, Kenneth N. 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 251 p.
- Wendt, Alexander. 1992. «Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics». *International Organization*, 46(2): 391–425. doi: 10.1017/S0020818300027764

References

- Avatkov V.A. 2024. Voenny`j faktor v regional`nom balanse sil na Blizhnem Vostoke [The Military Factor in the Regional Balance of Power in the Middle East]. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 19(4): 14–35. doi 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.
- Budaeva S.V. 2014. Balans sil kak obshhij princip ravnovesiya v sovremenny`x mezhdunarodny`x otnosheniyax [The Balance of Power as a General Principle of Equilibrium in Modern International Relations]. *Transbaikal State University Journal*. 9(112): 73–79.
- Burganova I.N. 2022. Politicheskie aspekty` sopryazheniya proektov E`konomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza dlya Rossijskoj Federacii [Political Aspects of the Integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union Projects for the Russian Federation]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 22(2): 226–231. doi: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231
- Goncharenko V. Yu. 2025. Raznoglasiya SSHa i ES posle vy`xoda Vashingtona iz yadernoj sdelki po Iranu pri pervom prezidentstve D. Trampa [Disagreements between the United States and the EU after Washington's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal during the First Presidency of Donald Trump].

Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies. 4: 53–65.

- Dzhagaev O.A. 2022. Problema Yuzhno-Kitajskogo morya kak front protivostoyaniya KNR i SShA [The Problem of the South China Sea as a Front of the China-US Confrontation]. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenij.* 12, 2(83): 577–582. doi 10.35775/PSI.2022.83.2.027
- Ermakov S.M. 2022. Vliyanie AUKUS na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [The Influence of AUKUS on the International Security System]. *National Strategy Issues.* 1(70): 130–152. doi 10.52311/2079-3359_2022_1_130
- Kostina A.D. 2022. Protivostoyanie SShA s drugimi gosudarstvami v kosmicheskom prostranstve na primere vzaimootnoshenij s KNR [The US Confrontation with Other States in Outer Space on the Example of Relations with China]. *Voprosy politologii.* 12, 9(85): 3161–3166. doi 10.35775/PSI.2022.85.9.031
- Kuzmina O.V. 2021. Global'naya sistema mezhdunarodny'x otnoshenij na rubezhe 2020-x godov: tendencii i riski razvitiya [The Global System of International Relations at the Turn of the 2020s: Trends and Development Risks]. *Eurasian Union: Issues of International Relations.* 10, 3(37): 236–242. doi 10.35775/PSI.2021.37.3.008
- Lukyanov V.Yu. 2020. Garmonizatsiya sistemy` mezhdunarodny'x otnoshenij XXI veka: ispol'zovanie istoricheskogo opyta [Harmonization of the 21st Century International Relations System: Using Historical Experience]. *Vek globalizatsii.* 2(34): 72–84.
- Malmir E.N. 2019. Aktual'ny'e problemy` realizatsii iranskoj yadernoj programmy` [Current Issues in the Implementation of the Iranian Nuclear Program]. *The Review of Economy, the Law, and Sociology.* 1: 97–101.
- Pantserev K.A. 2017. Kitaj – global'nyj aktor mirovoj politiki: k voprosu arkhitektury` novogo mezhdunarodnogo poryadka [China as a Global Actor in World Politics: Towards the Architecture of a New International Order]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika.* – 2017. 2(5): 5–13.
- Pekarnikova M.E. 2023. Izmenenie vektora klimaticheskoy politiki SShA v 1992–2023 godax [Changes in the US Climate Policy Vector in 1992–2023]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 10: 70–80. doi 10.31857/S2686673023100073
- Salin P.B. 2019. «Myagkaya sila» kak vneshnepoliticheskij resurs sovremenny'x gosudarstv v kontekste obrazovatel'noj politiki [«Soft Power» as a Foreign Policy Resource of Modern States in the Context of Educational Policy]. *The Authority.* 27(5): 169–173.
- Senokosov A.G. 2009. Evolyutsiya Antanty` kak voenno-politicheskogo soyuza (1891–1923) [The Evolution of the Entente as a Military-Political Alliance (1891–1923)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodny'e otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 14: 72–81.
- Tanshina N.P. 2017. Venskaya sistema i Venskie soglasheniya: Vzglyad iz Francii [The Vienna System and the Vienna Agreements: A View from France]. *Russia and the Contemporary World.* 4(97): 61–76.
- Farhutdinov I.Z. 2019. Doktrina o Vestfal'skoj mirnoj sisteme: mify` i realii [The Doctrine of the Westphalian Peace System: Myths and Realities]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal.* 6(133): 21–31.
- Khairullin E.R. 2015. «Balans sil» kak koncepciya bezopasnosti v teorii i praktike mezhdunarodny'x otnoshenij [The Balance of Power as a Concept of Security in the Theory and Practice of International Relations]. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies.* 3(7): 115–119.
- Yakubovskaya I. V. 2003. Balans sil v mezhdunarodny'x otnosheniyax 1895–1898 gg.: «evropejskij koncert» i dvustoronnie soglasheniya [The Balance of Power in International Relations, 1895–1898: The «European Concert» and Bilateral Agreements]. *Vestnik NovSU.* 25: 33–40.
- Badri A. 2022. Quad and the Indo-Pacific: Examining the Balance of Interest Theory in Quad Coalition. *Strategic Analysis.* 46(6): 601–613. doi: 10.1080/09700161.2022.2149981
- Hu M. 2024. Multi-Vectorality of the PRC'S Modern Foreign Policy: Balance between Global Ambitions and Regional Interests. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 9–5(96): 117–120.
- Keohane, Robert O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 290 p.
- Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr. 1977. *Power and Interdependence: World Politics in Transition.* Boston: Little, Brown and Company, 273 p.
- Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr., eds. 1971. *Transnational Relations and World Politics.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 428 p.

- Morgenthau, Hans J. 1978. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 5th ed., Revised. New York: Alfred A. Knopf, 688 p.
- Sanjmyatav B. 2020. Coronavirus Pandemic (COVID-19) and its Aftermath on Contemporary World Affairs. *Евразийство и мир*, 1: 61–73. doi 10.18101/2306-630X-2020-1-61-70
- Waltz, Kenneth N. 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 251 p.
- Wendt, Alexander. 1992. «Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics». *International Organization*, 46(2): 391–425. doi: 10.1017/S0020818300027764

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.12.2025

Received December 20, 2025

Поступила после рецензирования 20.02.2026

Revised February 20, 2026

Принята к публикации 21.04.2026

Accepted April 21, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Inna N. Burganova, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3634-1141](https://orcid.org/0000-0003-3634-1141)